

БОРИС ФРАДКИН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Борис Фрадкин

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Фантастическая повесть

*Молотовское книжное издательство
Молотов — 1954*

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Глава первая. Встреча в лесу	9
Глава вторая. Смерть профессора Саратова	17
Глава третья. Продолжение ночного разговора	27
Глава четвертая. Допрос	32
Глава пятая. Первые подозрения	40
Глава шестая. Шаг за шагом	56
Глава седьмая. Ультразвук	65
Глава восьмая. Бородин размыш- ляет	77
Глава девятая. Ход конем	91
Глава десятая. Дядя и племянник.	100
Глава одиннадцатая. Поединок.	113
Эпилог	135

Редактор *Н. Н. Вагнер*
Техн. редактор *А. В. Самолетова*
Корректор *Г. В. Семченко*

Сдано в набор 8|VI 1954 г. Подписано к печати 28 августа 1954 г.
Бумага 60×92¹/₃₂ = 2,2 б. л., 4,5 п. л. Уч. изд. 2,8 л.
ЛБ06224 Тираж 15 000 экз. Цена 85 к.

2-я книжная типография Облполиграфиздата
Гор. Молотов, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 942.

ПРОЛОГ

На краю продолговатого поля, стиснутого с двух сторон лесом, стояли под прикрытием раскидистых сосен три двухмоторных самолета. Протянутые над машинами сетки с набросанными поверх хвойными ветвями делали самолеты невидимыми с воздуха.

Поле казалось безлюдным.

Неподалеку, в глубине леса, находился в боевой готовности отряд советских десантников-автоматчиков. Они сидели и лежали на

покрытой хвоей и мхом земле, прислонив к деревьям автоматы. С минуты на минуту должен был поступить приказ о вылете.

А еще дальше, около полуразрушенного домика лесника, в котором помещался штаб, беседовали два солдата — Александр Рудаков и Павел Неустроев. На Александре было полное снаряжение, а на Павле — запыленная шинель и большая, туго набитая сумка. Он только что привез почту. Александр и Павел были из одного города и до войны вместе учились на третьем курсе Широко-реченского института.

— У меня к тебе большая просьба, Павел, — сказал Рудаков, глядя прямо в лицо своему собеседнику. — Операция сегодня, сам знаешь, особенная. На вражьей земле будем высаживаться.

— Да, да, — сочувственно произнес Неустроев, — сегодня вам

жарко придется. Так что ты мне хотел сказать?

Рудаков расстегнул комбинезон и вытащил записную книжку в засаленном и потертом коленкоровом переплете. Он в нерешительности повертел ее в руках, потом бережно перелистал страницы.

— Я не имею права брать эту вещь с собой, — сказал он. — Можешь ты ее пока сохранить у себя?

— Дневник, что ли?

— Нет, не дневник, — нахмурился Рудаков, — тут у меня кое-какие расчеты ультразвуковых колебаний.

— Когда это у тебя было время такой чепухой заниматься?

— Ты ведь знаешь, что я помогал Владимиру Константиновичу в его экспериментах с ультразвуком? Мы с ним мечтали создать ультразвуковой ускоритель роста растений. Такие замечательные у нас были планы! Вот война помешала. Но у

меня из головы не выходят начатые эксперименты. Знаю, не место и не время, а все-таки ничего не могу поделать с собой. Мысли сами в голову лезут. Каждую свободную минуту размышляю, рассчитываю. И, понимаешь, вчера как молнией ударило. Такая удивительная идея пришла на ум. Рассчитал я трехконтурный электронный усилитель к тому аппарату, над которым сейчас бьется Владимир Константинович. На открытие похоже. Не шучу, честное слово!

— Тьфу, ты, чорт! — поразился Неустроев. — Человек, можно сказать, на смерть идет, а чего городит! В опытах нашего профессора кроме забавы, по-моему, ничего и нет.

— Забавы? Помолчал бы. Владимир Константинович создает невиданный инструмент изобилия. Представляешь: за год можно будет снимать по шесть-семь урожаев ово-

щей, выращивать в самых суровых условиях южные и тропические...

— Ложись!

Оба солдата бросились на землю, прижались к корням сосны. Над лесом, ревя моторами, пронеслась группа самолетов.

— Наши, — определил Рудаков, — штурмовики. Так я хочу попросить тебя сохранить мою записную книжку. А если что со мной случится... понимаешь? — переправить ее Владимиру Константиновичу. Я так боялся, что ты запоздаешь сегодня. Теперь на душе свободнее стало.

— Ста-но-ви-и-ись! — прозвучала негромкая команда.

Рудаков стремительно вскочил, следом за ним поднялся и Неустроев.

— Пора, — проговорил Рудаков, протягивая записную книжку Неустроеву, — возьми, Павел. Помни

только — здесь для меня все. Может быть я и ошибаюсь, а может быть окажу Владимиру Константиновичу большую помощь. Ну, прощай, дружище!

— Не прощай, а до свидания. Мы с тобой еще в институте встретимся. Ни пуха, ни пера тебе, Александр. И за книжку можешь быть спокоен, — сохраню.

Они обнялись порывисто, по-мужски крепко: сказала студентская дружба — сколько вместе передумали, перемечтали, песен перепели.

— Паша, — сжимая руку товарища, попросил Рудаков, и глаза его подернулись грустью, — вернешься в Широкореченск, к Наде зайди. Передай ей... понимаешь... Ну, да ладно, прощай!

Отбежав несколько шагов, Рудаков обернулся, помахал рукой Неустроеву.

Где-то за лесом ударили тяжелые дальнобойные орудия. Гром их залпов все усиливался, заполняя небо. Загудела, застонала земля, затряслась от тяжелой поступи танковых колонн, ринувшихся через границу страны, посеявшей эту войну.

На лесную поляну один за другим выруливали транспортные самолеты с десантниками.

Глава первая

Встреча в лесу

Несмотря на свой возраст, следовательно Бородин продолжал любить лыжи. Каждое воскресенье, с утра, едва наступал поздний зимний рассвет, он отправлялся в лес.

В пятьдесят три года он обладал удивительной выносливостью, бодростью, отличным здоровьем. Прогулка на двадцать пять-тридцать километров была для него обычной.

Годы и работа, требующая постоянного самообладания, умения держать себя в руках, посеребрили его волосы. Но в серых умных глазах, на смуглом худощавом лице с глубокими складками на щеках светилась чисто юношеская неиссякаемая энергия.

И в это воскресенье Бородин считал себя первым, пришедшим в лес. Однако, выйдя на лыжню, он приметил на ней свежий глянец. По следам от палок можно было сделать вывод, что впереди шли два лыжника.

И действительно, на одном из поворотов он увидел поваленное дерево—ель с высохшей хвоей. На ней сидели двое: пожилой мужчина с квадратной бородкой в коричневом костюме и девушка лет двадцати пяти в светлосинем костюме. Русая бородка мужчины заиндевела, округлое миловидное лицо девушки

пылало румянцем, который может вызвать только морозное дыхание ветра.

Они примостились на дереве, не снимая лыж, воткнув палки в снег перед собой. На палки были надеты рукавицы. На коленях девушки лежал раскрытый газетный сверток с ломтями черного хлеба, густо намазанными сливочным маслом и посыпанными сахарным песком. Оба ели с большим аппетитом.

Бородин, пробегая мимо, улыбнулся краем губ и встретил ответные улыбки мужчины и девушки.

— Приятного аппетита! — крикнул он им.

Ответа не последовало. Сотрапезники, видимо, не успели прожевать пищу. Но, оглянувшись, Бородин увидел, что девушка поспешно свертывает газету, а мужчина, вскочив на ноги, торопливо натягивает рукавицы.

Следующий поворот лыжни, нырнувшей в густые поросли пушистых, пересыпанных снегом сосенок, скрыл от Бородина поваленное дерево. Только очутившись на просеке, он убедился, что мужчина и девушка бегут за ним. Их легкий и размашистый шаг говорил за то, что в лыжном спорте они не новички.

Бородин был уже не в том возрасте, когда бегают наперегонки, но знал, что потягаться с ним может далеко не каждый. Лукаво улыбнувшись, он повел своих преследователей с пригорка на пригорок, из оврага в овраг. А те двое все не отставали. Тогда Бородин свернул в чащу леса к спуску с Липовой горы.

За кустарниками лыжня начала падать вниз, все круче огибая деревья, коварно пряча в кустах неожиданные повороты.

Здесь рисковали спускаться только самые отчаянные мальчишки или взрослые лыжники, прошедшие хорошую тренировку по слалому. Но для Бородина спуск не был трудным. Он мчался вниз, упругими движениями перебрасывая лыжи на поворотах: Из-под них вырывались вихри снега, опылявшие кустарник.

На последнем повороте он все-таки сплосховал: правая лыжа выскользнула из колеи и пошла в сторону. Чтобы не налететь на ствол дерева, Бородин вынужден был опрокинуться на бок. Падать — тоже искусство. Бородин не получил ни единой царапины. Он готов был уже вскочить на ноги, но вдруг услышал позади шорох. Вслед за тем над ним мелькнуло что-то темное. Раздался хлопок лыж о снег. Девушка в светлосинем костюме, перемахнув через упавшего Бородина, помчалась дальше вниз по склону.

Бородин одобрительно хмыкнул. Он легко вскочил на ноги, но за его спиной снова послышался шорох, раздалось громкое «Ах, чорт!» Кто-то плашмя ударился в спину Бородина. Удар оказался настолько сильным, что Бородин упал в снег. Склон был очень крут. Перевертываясь и загребая снег руками, Бородин покати́лся вниз.

Вместе с ним катился мужчина в коричневом костюме. Две пары лыж мелькали в воздухе, сбивая снег с ветвей и вздымая тучи снежной пыли.

Потом мужчины разом вскочили. Вначале они не могли произнести ни слова.

— Извините меня, — сказал мужчина в коричневом костюме.

— Нет, уж это вы меня должны извинить, — возразил Бородин. — Если бы я не застрял на повороте, ничего бы и не случилось.

А девушка стояла у подножья склона и задыхалась от смеха. Ее вязаная шапочка сбилась набок, узел каштановых волос на затылке был пересыпан снегом.

Мужчины посмотрели друг на друга, потом на девушку. Незнакомец в коричневом костюме не выдержал и расхохотался. Не выдержал и Бородин. Они стояли друг против друга и хохотали.

— Вон кто всему виновник, — сказал, отдышавшись, мужчина и кивнул в сторону девушки. — Ее удивило, с какой легкостью вы бегаєте на лыжах и непременно захотелось потягаться с вами. А судя по всему, вы мастер своего дела. Вы не будете возражать, если мы составим вам компанию?

— Если не боитесь поскучать со мной, пожалуйста.

— Ну, коли так, давайте знакомиться, — мужчина протянул Боро-

дину влажную от снега ладонь. — Саратов Владимир Константинович. А эта хохотушка — моя дочь Надежда, медик, молодой хирург.

— Вы — профессор Саратов? — спросил Бородин.

— Совершенно верно. Мы где-нибудь с вами встречались?

— Я слышал как-то ваше выступление во Дворце культуры по вопросам акустики помещений.

— Ах, вот как! Вы что же, строитель?

— Нет.

— Архитектор?

— Нет, я —следователь.

— Щекотливая специальность.

— Я мерзну! — крикнула Надя. — Поехали дальше!

— Поехали!

Саратов прыжком повернул лыжи и помчался следом за дочерью. За ними последовал и Бородин.

Смерть профессора Саратова

Телефонный звонок разбудил следователя Бородина во втором часу ночи. Звонил дежурный врач скорой помощи, который просил Бородина приехать в институт.

— Что случилось? — спросил Бородин.

— Умер профессор Саратов.

Спустя четверть часа Бородин был уже на месте. Большой зал физической лаборатории ярко освещался всеми потолочными лампочками. В кресле, за большим письменным столом, сидел профессор. У него была поза уснувшего человека. Настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром освещала разложенные перед ним бумаги.

У кресла стояла Надежда Саратов. Ее глаза встретили появле-

ние следователя немым вопросом. Губы девушки дрожали, она растерянно прижимала ладони к щекам.

По другую сторону кресла находился директор института, рядом врач скорой помощи вертел в руках ненужный теперь фонендоскоп. Подождать стояли медицинская сестра и вахтер института.

— Кто первым вошел сюда? — спросил Бородин.

— Я, — отозвался вахтер. — Мне позвонила Надежда Владимировна. Беспокоилась, почему папа долго не идет домой и на телефонные звонки не отвечает. Я пошел посмотреть, а он вот так сидит, будто задремал... Вот я вызвал товарища директора.

— Значит, когда вы вошли, профессор находился один?

— Один.

Бородин повернулся к врачу.

— Вы его осматривали?

— Я констатировал смерть. Очевидно, паралич сердца.

Спокойные и бесстрастные глаза следователя уже изучали зал лаборатории, наполненный аппаратами, учебными столиками, стеклянными шкафами. Никаких намеков на применение насилия. Пожалуй, следователю здесь нечего было делать. Тысячи людей умирают так, как умер профессор Саратов.

Однако Бородин выполнил все необходимые формальности: сфотографировал сидящего в кресле профессора, подробно описал его позу, сфотографировал зал лаборатории. Затем он составил протокол, дал расписаться в нем врачу, директору и вахтеру.

— Какой равнодушный человек,—заметила медицинская сестра, когда следователь вышел из зала. — Хоть бы слово сказал. А то посмотрел и ушел.

На другой день Бородин получил протокол судебно-медицинской экспертизы. По мере чтения лицо следователя становилось сумрачным и недовольным.

Судебно-медицинская экспертиза оказалась в затруднении. Вскрытие не могло установить, отчего наступила смерть. Что-то неведомое и непонятное разом остановило жизненную деятельность организма. Предполагался нервный шок, внезапное нервное потрясение.

Единственный вывод, который с полной очевидностью вытекал из протокола, состоял в том, что о насильственной смерти не может быть и речи. Для Бородина, как следователя, смерть профессора Саратова не представляла никакого интереса.

Он убрал протокол в папку и вызвал очередного посетителя. Однако, оставшись наедине, Бородин задумался. Перед его воображением воз-

ник образ мужчины с заиндевевшей квадратной бородкой. Он видел его то хохочущим, то легко, по-юношески, бегущим за дочерью на лыжах, то с аппетитом поедающим ломти черного хлеба.

Все говорило о том, что у профессора было самое превосходное здоровье. Внезапная смерть казалась нелепостью.

Вечером следователь нарушил заведенный семейный порядок и не зашел за женой на швейную фабрику. Одевшись, он постоял у окна, а потом сел к столу и снял телефонную трубку.

— Машенька, — сказал он, — не жди меня, я задержусь. Ужинай одна.

Выйдя на улицу, когда уже сгушались синие сумерки, Бородин поднял воротник пальто, засунул руки в карманы и направился в сторону института.

Шел он не торопясь. Так он любил поразмыслить, поговорить с самим собой.

Работа следователя была очень разнообразной, требующей умения быстро ориентироваться в сложной, подчас необычайно запутанной обстановке. Бородин то копался в бухгалтерских делах, изобличая растратчика или нерадивого бухгалтера, то устанавливал виновника плохого урожая, то разбирал автомобильные катастрофы, то вмешивался в семейные дразги. Трудно представить то великое разнообразие дел, которые прошли через его стол. Много канцелярских папок с коротким заголовком «Дело №...» было заполнено рукой Бородина, но он никогда не забывал, что в каждом «деле №...» находится судьба человека.

Преступность...

Это грязное наследие прошлого

еще пятнает здоровую жизнь советского народа. Бородин питал к ней не просто профессиональную нетерпимость. Он испытывал ту постоянную и непримиримую ненависть, которую вынашивает в себе человек в непрекращающейся борьбе с врагом. Враг был опасным. Часто он оставался незримым, прибегал к коварным приемам, рядился в одежду честности.

Преступность мешала движению в будущее.

...К большому пятиэтажному корпусу, в котором находилась квартира Саратова, Бородин подошел уже при свете электрических фонарей.

Он поднялся на третий этаж и постучал в дверь с металлической дощечкой, на которой было выгравировано: В. К. Саратов.

Ему открыла Надежда. Лицо ее было бледным, под глазами легли

темные полумесяцы. Ночь она провела без сна.

— Разрешите? — спросил Бородин. — Я зашел, чтобы выразить вам искреннее сочувствие.

— Благодарю вас, Сергей Леонидович. Проходите, пожалуйста.

Бородин ожидал найти квартиру переполненной знакомыми и друзьями Саратовых. Но комнаты оказались пустыми, в них царила тишина.

— Не смущайтесь моим видом, — сказала Надежда, — я только что оттуда.

— Откуда? — не понял Бородин.

— Из клиники. Я потребовала повторного вскрытия...

— Вы?!

— ...и сама... вместе с профессором Смородинским произвела исследование. Да, да, можете не смотреть на меня такими глазами. Я очень хорошо знала отца и как дочь... и

как медик. У него было отличное здоровье. Понимаете, Сергей Леонидович, — отличное! Отец никогда и ничем не болел. Этим летом мы лазили на вершину Эльбруса. Своей выносливостью он удивлял бывалых альпинистов. И вот вдруг... Почему он умер? Ну, скажите, почему?

Бородин, не выдержав взгляда девушки, опустил глаза. Он пожевал губами, медленно расстегнул пальто, повесил его на вешалку и кашлянул в кулак.

Глубокая, чисто подсознательная неудовлетворенность объяснением судебно-медицинской экспертизы заставляла Бородина вслушиваться в вопросы Надежды.

— Но все-таки вы что-нибудь обнаружили? — спросил он.

— Пока нет... Пока одни только догадки. Но я этого так не оставлю. Нет, я буду искать! Я всю клинику на ноги подниму.

Бородин прошелся по прихожей, остановился у одной из дверей, взялся за ручку.

— Здесь ваша комната?

— Простите, я вас держу в прихожей. Здесь кабинет отца.

— Разрешите мне заглянуть?

— Да, разумеется.

В квадратной комнате, устланной большим ковром, стоял письменный стол. Обе стены комнаты направо и налево от двери были в книжных полках.

Осмотрев кабинет, Бородин прошел к письменному столу.

— Не смогу ли я просмотреть личные бумаги вашего отца?

— В самом деле! — оживилась Надежда. — Может быть, нам кое-что скажут записки отца.

Она разыскала под чернильницей ключи, села в кресло и принялась открывать ящик за ящиком.

Бородин приглядывался к девушке, все более убеждаясь, что у нее характер далеко не слабовольный.

Глава третья

Продолжение ночного разговора

Бородин сел рядом с Надеждой. Они стали рассматривать записи профессора. В ящиках находились тетради с конспектами лекций, выписками из книг, вырезки из газет, рабочие планы, наброски статей.

— Прежде всего, — сказал Бородин, — нам следует установить, чем занимался Владимир Константинович в самые последние дни.

— Больше всего он увлекался акустикой, звуковыми колебаниями. Отец имел массу научных трудов, с ним постоянно советовались фабрики музыкальных инструментов. А в последнее время он все говорил об

ультразвуковых колебаниях. Вот видите, что он писал три дня назад.

Бородин прочел:

«Однако воздух, как губка, поглощает ультразвуковой луч. Все варианты электронных излучателей не дают существенных сдвигов в моих поисках. А чувствую, что решение именно в тройном колебательном контуре, в шаровом излучателе...»

Бородин взглянул на дату записи. Она была сделана пятого декабря, то есть за три дня до смерти.

Бородин и Надежда провели над бумагами довольно много времени. Бородин хотел понять, чем именно жил профессор. Не обладая достаточными специальными знаниями в физике, Бородин все же убедился, что главным увлечением Владимира Константиновича были ультразвуковые колебания.

— Что же, — сказал Бородин, поднимаясь, — пожалуй, мне пора уходить. А вам следует отдохнуть, Надежда Владимировна.

Девушка с горечью улыбнулась и отрицательно покачала головой.

Они вышли в прихожую.

— Здесь ваша комната? — Бородин указал на вторую дверь.

— Да, моя.

Она приоткрыла дверь. Бородин, заглянув, увидел в глубине у окна небольшой письменный столик, который служил Надежде одновременно и туалетным. Его украшало овальное зеркало в бронзовой оправе. Перед зеркалом гипсовая физкультурница целилась копьем в свое отражение. По правую сторону зеркала находился чернильный прибор из серого уральского камня, а по левую — портрет молодого человека.

Надежда, заметив пристальный взгляд Бородина, пояснила:

— Это мой жених — Саша Рудаков. Он погиб на фронте... Теперь у меня никого не осталось. — Голос ее дрогнул. Она прошла к столу и возвратилась с портретом в руках.

— Он тоже был медик?

— Нет. Саша учился в институте и помогал отцу. Отец очень любил его и предсказывал ему будущность большого ученого. Но началась война, Саша ушел добровольцем и...

— Да... война.

Бородин осторожно взял портрет. Лицо Александра Рудакова было привлекательным.

— Как он погиб?

— Саша участвовал в десантных операциях... Подробностей выяснить мне не удалось.

Очутившись на улице, Бородин пошел навстречу морозному осве-

жающему дыханию ветра. Он испытывал нерешительность. Конечно, следовало знать, отчего умер нужный Родине человек, ученый-исследователь и воспитатель молодежи. Но ведь этот вопрос относится целиком к медикам. Отчего же у него, у рядового следователя, нет на душе покоя? Отчего перед его воображением продолжает стоять образ хохочущего мужчины с заиндевевшей бородкой, в заснеженном костюме?

Утром, придя на работу, Бородин достал чистую папку, проставил на ней порядковый номер дела и четким почерком вывел фамилию, имя и отчество профессора.

Потом он переложил в нее протокол судебно-медицинской экспертизы, протокол осмотра физической лаборатории и отправился к районному прокурору, чтобы получить официальную санкцию на ведение дела.

Допрос

Бородин начал с допроса сослуживцев профессора Саратова. В физической лаборатории кроме Владимира Константиновича работало восемь человек: два ассистента, старшая лаборантка, четыре лаборантки и дежурный электрик по высоковольтной сети.

Первым в кабинете следователя появился рыжеволосый и плечистый сорокалетний мужчина — ассистент Быков. Он отвечал громко, почти кричал. Быков читал лекции по физике на смежных факультетах, то есть там, где физика не являлась специальным предметом.

— Поражен смертью Владимира Константиновича, — отвечая на вопрос Бородина, сказал Быков, — поражен. Такой крепкий был человек.

— Кто находился последним около профессора?

— Я ушел около девяти часов вечера. Там оставались... дайте вспомнить... Чазова, Неустроев, Васильева, Лисина. Нет, простите, Неустроев вышел вместе со мной. Владимир Константинович пользовался обычно услугами Чазовой.

— Почему именно Чазовой?

Быков развел руками.

— Чазова увлекающаяся натура, способна часами копаться в аппаратах. Она, знаете ли, умела понимать Владимира Константиновича с полуслова, с одного взгляда.

— А что вы думаете о смерти профессора? Отчего это могло случиться?

— Извините, но я плохо разбираюсь в медицине.

— Не занимался ли Владимир Константинович чем-нибудь опасным для жизни?

— Вы имеете в виду токи высокого напряжения? Но Саратов не был новичком в работе с электричеством.

— Понимаю вас. А кроме токов высокого напряжения?

Быков поднял мохнатые рыжие брови. Вопрос показался ему несерьезным. В лаборатории не хранилось никаких опасных веществ.

Затем был вызван второй ассистент Саратова — Неустроев.

— Вы находились последним с профессором Саратовым перед тем, как его нашли мертвым, — быстро проговорил Бородин. — В котором часу это случилось?

— Не-ет... — с удивлением протянул Неустроев. — Я ушел вместе с Быковым.

— Когда?

— Не помню. Я не посмотрел на часы. Ну... около девяти часов.

— Чем более всего увлекался профессор Саратов?

— Ультразвуковыми колебаниями. Профессор экспериментировал над растениями. У него были обширные замыслы. В своих последних работах...

Неустроев довольно подробно и ясно изложил суть экспериментов, которые производились в его присутствии. Бородин слушал, не перебивая.

— Скажите, — спросил он, когда Неустроев кончил объяснения, — а ультразвук не опасен для жизни?

Глаза Неустроева весело заблестели.

— Покуда от звука еще никто не умирал. Даже от самого громкого.

— Но разве вас не удивляет смерть профессора Саратова?

Лицо ассистента стало сосредоточенным и серьезным.

— Владимир Константинович всегда отличался завидным здоровьем. Он никогда не уставал. Беспомощность медиков, не сумевших определить причину смерти, возмутила весь институт.

— Кто чаще других помогал Саратову в исследовательских работах?

— Марина Васильевна.

— Чазова?

— Да. Она работает у нас сравнительно недавно: второй год. Внешность у нее, сами видели, довольно привлекательная. Ну, немножко заносчива, мечтает стать ученым с мировым именем.

Бородин насторожился. Показания Быкова и Неустроева почти совпадали и вели к Чазовой.

— Мечтает о славе... Это что, она вслух говорила?

— В разговоре иногда проскальзывает. А откровенна она бывала

только с Владимиром Константиновичем. От него и мы кое-что узнавали. Они симпатизировали друг другу.

После Неустроева Бородин вызвал Чазову. В кабинет вошла молодая женщина лет двадцати пяти, хорошо сложенная, с чистым белым лицом, голубыми прозрачными глазами. Белокурые косы были венком собраны вокруг головы.

— Как вы думаете, отчего умер профессор Саратов? — сразу же спросил Бородин.

— Не знаю, — Чазова смотрела в окно, — я бы сама очень хотела знать это.

— Для чего же?

— Владимир Константинович был настоящим человеком.

— Может быть, профессор недомогал? Вы же постоянно находились около него.

— Да, находилась. — Чазова

всем телом повернулась в сторону Бородина. Их глаза встретились. — Ну и что же? Разве это дает вам право в чем-то подозревать меня?

— Я думал, вы поможете мне понять, отчего умер профессор.

— Как видите, не помогу. Я не следователь и не медик. Честное слово, я не заметила ничего подозрительного. В тот день я все время находилась около профессора. Он, как всегда, шутил, смеялся. Его смерть — моя личная большая потеря. Владимир Константинович так много сделал для меня! Он заставил меня учиться.

— Где?

— Я кончаю вечерний политехнический институт.

— Когда вы ушли в тот вечер из лаборатории?

— В одиннадцать часов. Мы закончили эксперименты, все было

опять не так, как ожидал Владимир Константинович. Он попросил оставить его одного.

— А что за эксперименты вы проводили?

— Мы работали над шаровым излучателем.

— Минуту.

Бородин извлек из папки фотографии лаборатории и протянул их Чазовой. Она длинным ногтем мизинца указала на стоявшую в глубине лаборатории установку, напоминающую собой миномет.

— Значит, тех результатов, которые хотел получить Владимир Константинович, вам достичь не удалось?

Чазова покачала головой.

Оставшись один, Бородин долго разглядывал фотографии и думал. Думал о том, что из этих троих допрошенных он не может заподозрить

ни одного. Простые честные люди.

А покоя на душе все-таки не было.

Глава пятая

Первые подозрения

После допроса работников лаборатории Бородин не спешил делать выводы. Да, собственно, их не из чего было и делать. Однако он не расставался с делом профессора Саратова. Бородин принадлежал к той породе людей, которых не обескураживают первые неудачи.

Вскоре после допроса он опять появился в институте. Ему хотелось подробнее осмотреть физическую лабораторию.

Директор института вызвал старшую лаборантку Чазову и перепоручил ей следователя. Марина Васильевна, едва удостоив Бородина взглядом, провела его за собой че-

рез шумный, наполненный молодежью коридор.

Раскрыв двери лаборатории, Чазова пропустила следователя вперед. За большим письменным столом сидел Неустроев. Его временно назначили заведующим кафедрой Саратова. Увидев следователя, он сказал: «А, это вы!» и поднялся ему навстречу.

— Я хотел бы подробнее ознакомиться с лабораторией, — сказал Бородин.

Неустроев понимающе наклонил голову.

— Вам рассказывать или сами будете смотреть?

— Пока сам.

Заложив руки за спину, Бородин прошелся по большому светлому залу, разглядывая непонятные конструкции аппаратов. Следом за ним в стеклянных стенках шкафов шагали его отражения.

Впрочем Бородин недолго разглядывал лабораторию. Его внимание привлек аппарат с большой катушкой, похожей на ствол миномета. В глубине катушки скрывался поблескивающий металлический шар. Катушку удерживали две вертикальные пластинки. Внизу, между пластинками, помещался сложный агрегат с регуляторами, переключателями, множеством разноцветных проводов.

Бородин внимательно стал рассматривать установку с катушкой. Она была очень непохожей на все другие аппараты, находившиеся в лаборатории.

Осмотрев пол около аппарата, Бородин заметил на деревянном паркете две изогнутые блестящие полоски — следы от ножек аппарата. Похоже, что аппарат поворачивали. Бородин присел, чтобы лучше разглядеть следы. Следы

были с неравномерным чередованием вдавливаний. Значит, аппарат передвигали чьи-то не очень сильные руки.

Чьи же?

Подняв голову, следовательно поймал на себе пристальный взгляд Чазовой. Отвернувшись, она продолжала устанавливать в шкафу приборы, потом захлопнула дверцы шкафа и стала снимать халат.

— Марина Васильевна, — сказал Бородин, — можно вас на минуту?

Чазова подошла к аппарату.

— Скажите, при экспериментировании аппарат находился в таком же положении?

Старшая лаборантка внимательно посмотрела на следователя, потом перевела глаза на установку.

— Нет, ось катушки, а значит и ультразвуковой луч направлялись вдоль зала, вот так, — она вытянула

руку, показывая на глухую стену зала.

— Благодарю вас.

Оставив установку с шаровым излучателем, Бородин прошел к подставкам, на которых стояли горшки с молодыми побегами комнатных лимонов.

И тут он заметил изменения в расположении подставок с лимонами относительно других предметов, в частности относительно письменного стола.

У Бородина была очень цепкая память, натренированная постоянными наблюдениями. В ней удерживалось все, хоть раз попавшее в поле зрения. Правда, он не мог тотчас же сказать, что именно произошло в расположении подставок с лимонами, но в памяти уже началась работа: Бородин вспоминал, как тут все было во время его первого посещения.

Он отошел к тому месту, откуда фотографировал этот участок зала, и сразу понял, что именно произошло: не хватало одной подставки и одной банки с лимоном.

Конечно, это могло быть и ничего не значащим пустяком, однако для следователя пустяк становился только тогда ненужной деталью в общей массе наблюдений, когда с полной очевидностью сам исключал свою значимость.

Бородин до тех пор копался в памяти, пока с абсолютной точностью не восстановил всей картины. Он припомнил, что не хватает лимона, который выделялся среди других своими размерами, более пышной листвой.

— Кто выращивал лимоны для профессора Саратова? — спросил Бородин Неустроева, когда старшая лаборантка ушла и они остались вдвоем.

— Чазова, — ответил ассистент.

— Давно они посажены?

— Вот на что я вам не отвечу.

По совести сказать, я не считаю эту возню с ультразвуком и облучением цитрусовых настоящим серьезным делом. Здесь эксперименты Владимира Константиновича слишком походили на фантастику.

Следователь ничего не ответил. Он снова прошел к аппарату с шаровым излучателем. Мысленно он прикинул, что если аппарат повернуть обратно по вдавленным в паркет полоскам, то катушка, так напоминающая ствол миномета, окажется направленной... куда же? Да, конечно, на тот письменный стол, за которым сидел профессор.

— Скажите, Павел Ильич, — обратился следователь к Неустроеву, положив ладонь на глянцевую поверхность высокой подставки, — последнее время профессор Саратов зани-

мался исключительно ультразвуковыми колебаниями и экспериментировал только с этой установкой?

— Совершенно верно.

— И ему помогала одна Чазова?

— Вы все о Чазовой расспрашиваете, — нахмурился Неустроев, — уж не подозреваете ли вы, что она имеет какое-то отношение к смерти Владимира Константиновича? Чазова на такие вещи совершенно не способна, в этом я готов голову дать на отсечение. А Владимиру Константиновичу иногда помогали и мы с Быковым, особенно при демонстрировании ультразвуковых колебаний студентам. И вообще всех нас смущает ваше настойчивое желание... не знаю, как объяснить вам... желание найти здесь преступление.

— Директор института поручал вам привести в порядок бумаги Саратова, — перебил его Бородин. — Вы уже сделали это?

— Да, сделал, товарищ следователь.

— Прошу познакомить меня с ними.

— С удовольствием. Пройдемте в соседнюю комнату. Там собраны все работы Владимира Константиновича.

Небольшая соседняя комната походила на архив. В ней стояли шкафы с книгами, с папками, с чувствительными оптическими частями к аппаратам.

Неустроев открыл один из шкафов.

— Вот, пожалуйста.

— Где самые последние записи профессора?

— На нижней полке.

Неустроев предупредительно наклонился и подал Бородину папку с бумагами. Тот сел на стул и положил папку на колени. Он терпеливо перебирал бумажку за бумажкой.

Бумажки были разных форматов, разного содержания, одни — написанные от руки, другие — напечатанные на машинке.

— Здесь всё?

— Да всё, что я сумел собрать. Вот листки, которые лежали на столе перед Владимиром Константиновичем, когда его нашли умершим. Видите дату?

— Вижу.

Если бы отсутствовали последние записи, можно было бы ещё заподозрить что-то, но бумаги профессора находились в самом завидном порядке.

— А это чей почерк?

— Марины Васильевны. Она часто писала под диктовку Владимира Константиновича.

Бородин задумался. Возле профессора Саратова, в основном, находились три человека: ассистенты Неустроев и Быков и старшая лаборантка.

рантка Чазова. Рядовые лаборантки в счет не идут. Кто же из них — Быков, Неустроев или Чазова — были действительными свидетелями последних минут профессора?

— Вы хорошо знаете расположение дверей в институте? — неожиданно спросил Бородин.

Прежде чем ответить, Неустроев поморщился, повертел головой, как будто давил ворот рубашки. Вопросы следователя начинали выводить из себя даже его, самого сдержанного человека в институте.

— Ну еще бы, — буркнул он, — я учился в стенах этого здания и вот уже четыре года работаю на кафедре.

— Тогда попрошу показать мне, какие выходы есть из института кроме того, у которого находится вахтер.

— Может быть, вы обратитесь к коменданту?

— Нет, я попрошу сделать это вас, Павел Ильич.

— Что же, раз вы настаиваете, могу и я.

Занятия в институте уже закончились, коридоры были безлюдны, но откуда-то с верхнего этажа доносились звуки песни под аккомпанемент пианино.

— Наш хор занимается, — пояснил Неустроев.

— А как быстрее всего пройти во двор?

— Спустимся по этой лестнице.

Они вышли во двор. У самых окон оцетинились голые кусты сирени. Снег среди них лежал нетронутым. Справа виднелось низкое здание гаража, слева — темные окна двухэтажного корпуса мастерских. Бородин медленно прошел вдоль построек, оглядел закрытые массивные ворота, постоял у высокой каменной стены, замыкающей двор.

— И больше нет выхода?

— Нет, на улицу нет.

— Хорошо, тогда пройдем по комнатам первого этажа.

— Не знаю, сумеем ли мы сейчас получить ключи от всех комнат.

— Должны получить.

— Но какой в этом смысл?

— Нужно, Павел Ильич.

Неустроев пожал плечами. Они вошли обратно в здание. Вахтер дал им ключи, и Неустроев повел следователя из комнаты в комнату.

Окна в комнатах оказались наглухо запечатанными и проклеенными. Но в угловой комнате, выходящей на улицу и к глухой стене соседнего дома, на одном из шести окон проклейка была сорвана — окно открывали. Бородин легко распахнул его, и холодный воздух хлынул в комнату.

— Очевидно, студенты похозяйничали, — поеживаясь от ветра, по-

яснил Неустроев. — Это у нас случается. Молодежь свежий воздух любит, а топят вон как: к батарее прикоснуться невозможно.

Бородин сантиметр за сантиметром оглядел подоконник, косяки, стекла. Неустроев с нескрываемым любопытством наблюдал за ним, пряча в краешке рта улыбку. Следователь забрался на окно и вдруг выпрыгнул наружу. Окно находилось на значительной высоте, но этот сидящий мужчина приземлился по всем спортивным правилам и с той же удивительной легкостью вскарабкался обратно в комнату.

«Шерлока Холмса разыгрывает», — мысленно усмехаясь, подумал Неустроев.

«Профессор остался один, — рассуждал Бородин, — преступник мог проникнуть только через это окно. Чазовой забраться в него без посторонней помощи не под силу. Окно

выходит на улицу. Все должно было совершиться мгновенно и только в одиночку».

— Это вы передвигали аппарат? — спросил Бородин.

— Простите, не понял. Какой аппарат?

— Шаровой излучатель Саратова.

Неустроев сдвинул брови. Категоричность вопроса ему не понравилась.

— Мне кажется, никто к нему не прикасался после смерти Владимира Константиновича. Впрочем, если это для вас важно, я уточню.

— Да, прошу уточнить.

Вечером дома, пока жена хлопотала на кухне за приготовлением ужина, Бородин, заложив руки за спину, ходил по комнате.

Что удалось узнать ему?

Саратов вел крупную исследовательскую работу по ускорению

роста растений. Об этом говорили личные записки профессора, это подтверждали и Быков, и Неустроев, и Чазова, и другие работники лаборатории. Владимир Константинович не делал из своей работы секрета, значит, в его исследованиях не было ничего такого, что имело бы разрушительные свойства для живого организма.

Но странный аппарат... но исчезнувшая банка с лимоном... следы на паркете... раскрытое окно...

Следы? Чьи? Люди, окружавшие профессора, произвели на следователя самое хорошее впечатление. Особенно Неустроев. Спокойный и вдумчивый мужчина, откровенный в суждениях. Судя по всему, это человек с открытой душой, и честолубия у него нет.

Несколько странно ведет себя Чазова. Похоже, что в глубине души она таит что-то свое, тщательно

скрываемое от постороннего наблюдателя. Как сказали о ней Быков и Неустроев? Ах, да, Чазова мечтает стать большим ученым. Однако тысячи молодых людей мечтают о том же самом, это вовсе не предосудительно. Другое дело, как она собирается достичь цели.

И уже ложась в постель, Бородин вдруг встрепенулся. Еще одно обстоятельство навело его на раздумье: этот удивительный исчезнувший лимон стоял у окна позади кресла, в котором умер Саратов. Две загадки в одном месте.

Жена спала, а в темноте комнаты долго еще теплился рубиновый огонек папиросы Бородина.

Глава шестая

Шаг за шагом

Прошло четыре дня, но никакой нити Бородину поймать не удавалось. Он выяснил, что лимон выбро-

сила уборщица, потому что банка оказалась треснувшей и пропускала воду. Аппарат передвигала Чазова, она это признала сама. Под аппарат закатилась клемма от реостата. Окно в угловой комнате первого этажа открыли студенты, что подтвердил комендант института.

Здание, которое начал было воздвигать следователь, рассыпалось, как карточный домик, от первого же прикосновения. В эти дни Бородин курил больше обычного, а вечером уходил на лыжах в лес.

Еще упорнее он изучал лабораторию, людей, которые в ней работали и которые имели к ней близкое отношение. В институте его начали встречать неприязненно, считая, что Бородин становится слишком назойливым.

Закончив до обеда все текущие дела, Бородин потратил остальную часть дня на опрос уборщиц и лабо-

ранток, чтобы уточнить, когда были посажены лимоны, в частности тот, выброшенный.

Несмотря на крайнюю расплывчатость показаний, Бородину все-таки удалось установить, что лимоны в банках были высажены в течение последних шести-девяти месяцев.

Тогда он снова извлек фотографии, где были четко видны все подставки с лимонами. Целый час он сидел над фотографией с увеличительным стеклом.

Потом он направил снимок на экспертизу в сельскохозяйственный институт, потребовав ответа на два вопроса: когда посажены лимоны? какая разница в возрасте всех лимонов?

Вечером того же дня он получил ответ. Время посадки всех лимонов совпало с показаниями уборщиц и лаборанток. Всех, кроме одного.

Возраст лимона, стоявшего позади профессора, устанавливался в два года.

Бородин повторил опрос лаборанток и уборщиц. Нет, два года назад никаких комнатных лимонов в лаборатории не было. Владимир Константинович подвергал облучению рассаду помидоров, лука, капусты и только в начале этого года по совету друзей из Москвы перешел на облучение цитрусовых.

Тогда Бородин опросил Быкова, Неустроева и Чазову. Их показания совпали с теми сведениями, которые уже имелись у него: даже полтора года назад профессор Саратов не экспериментировал с лимонами.

Захватив фотографии, следовательно сам пошел в сельскохозяйственный институт. Ему объяснили характерные свойства цитрусовых и подтвердили, что лимон, так его

интересующий, имеет возраст не менее двух лет.

— А если он все-таки вырос за год? — настаивал Бородин.

Доцент, производивший экспертизу, шутливо заметил:

— Значит, произошло чудо. Или профессору Саратову удалось найти необыкновенный ускоритель роста.

Бородин насторожился. Неужели профессору Саратову удалось совершить крупнейшее открытие? Не совершено ли убийство с целью присвоения этого открытия?

Догадки возникали за догадками. Подозрения следовали за подозрениями. Но все это оказывалось связанным гнилыми нитями. Нити обрывались. Конец настоящей, прочной нити Бородин не находил. Он привык к конкретным, осязаемым фактам, когда преступление является очевидностью, а ему пред-

лагается только отыскать преступника. Здесь же... он должен прежде всего доказать, что имеется налицо само преступление.

И вот только позабытые, уже никому ненужные комнатные лимоны оказались чем-то похожим на конец настоящей нити. Доцент сельскохозяйственного института ненамеренно подсказал следователю следующий шаг: искать волшебный ускоритель роста цитрусовых.

Бородин перенес центр своего внимания на другой объект, такой же безмолвный, как и лимон, но таящий в себе многое, если только не все решающее: аппарат для получения ультразвуковых колебаний.

Он подал ходатайство прокурору города о вызове из Москвы эксперта-специалиста по ультразвуковым колебаниям. Его просьба была немедленно удовлетворена. В конце

декабря в Широкореченск приехал профессор Никольский, работник электротехнического научно-исследовательского института.

В день приезда Никольского в кабинет Бородина вошла Надежда Саратова. С первого взгляда он заметил, что девушка взволнована. Он предложил ей сесть. Надежда опустилась в кресло и, раскрыв сумочку, вытащила несколько листов бумаги, соединенных скрепкой.

— Прочтите, Сергей Леонидович.

Он взял листки. Это был протокол заключительного исследования тканей центральной нервной системы умершего две недели назад профессора Саратова. Протокол подписали виднейшие работники клиники. В клетках нервной ткани исследование обнаружило неизвестное до сих пор нарушение строения

клеточного вещества. Произошел распад коллоидов. Что-то мгновенно воздействовало на тяжелые органические молекулы, нарушило связь между атомами.

— Так, — сказал Бородин, сжимая ладонью подбородок, — так, — повторил он, стремительно поднялся на ноги и, изменяя своей привычке, заметался по комнате. — Вы оказали мне огромную поддержку, Надежда Владимировна. Теперь у меня нет более подозрений. Подозрений нет, слышите? Теперь я знаю, что ваш отец не умер, а ...убит. И убийца будет найден.

Овладев собой, Бородин возвратился к столу, остановился около Надежды, положил руку на ее плечо.

— Ваш отец был замечательный человек, — сказал он, — он делал дело для всех нас, для нашего народа. Но нам предстоит не только

найти убийцу, нужно возвратить стране открытие, сделанное Владимиром Константиновичем.

Едва закрылась дверь за девушкой, Бородин снял телефонную трубку и вызвал гостиницу.

— Попрошу профессора Никольского из восьмьдесят второго номера.

Спустя несколько минут в трубке звучный голос произнес: «Алло!»

— Товарищ Никольский?

— Да, это я.

— Говорит следователь Бородин. Я знаю, вы только что с поезда и, очевидно, хотите отдохнуть. Но я попросил бы вас немедленно начать изучение работ Саратова.

— К вашим услугам. Я не чувствую себя утомленным.

— Отлично! В институте вас ждут. А я подъеду к вам вечером в гостиницу.

Ультразвук

Никольский застегнул халат и подошел к аппарату.

— Начнем, — сказал он. — Товарищ Чазова, у вас все готово?

— Да, — ответила старшая лаборантка, стоявшая у щита..

— Включайте!

Чазова нажала кнопку автомата. За стеной ухнул выключатель высокого напряжения, вспыхнули глазки сигнальных ламп, загудел трансформатор шаровой установки.

Неустроев включил электрический счетчик колебаний.

— Свет!—приказал Никольский.

Чазова выдернула ножи рубильника. Зал, окна которого были плотно закрыты светонепроницаемыми шторами, погрузился в темноту. Неслышимый и невидимый

ультразвуковой луч был направлен на приемник счетчика—стеклянный цилиндр, наполненный водой.

И вот, по мере того как Никольский поворачивал регулятор, усиливая мощность излучения, в цилиндре начали вспыхивать и гаснуть голубые искры. Казалось, они вспыхивают и гаснут в плотной мгле зала. Искр становилось все больше, голубое сияние заполнило цилиндр, и теперь он возник искрящимся феерическим видением. Вода светилась! К тому же она бурлила, словно цилиндр подогревали на пламени, бурлила, оставаясь холодной. В воде разыгрывалась электрическая буря. Стержни, опущенные в цилиндр и соединенные проводниками с чувствительным ламповым устройством; позволяли производить замер электрических зарядов, созданных в воде ультразвуком.

Зрелище было необычным, но для Никольского, Чазовой и Неустроева оно уже не представляло ничего примечательного.

Ультразвук...

Он не был загадкой для науки и нашел практическое применение еще во время первой мировой войны. Морской флот Англии и Франции терпел тогда большие потери от германских подводных лодок. В бескрайних просторах океана корабли союзников подкарауливала грозная и, казалось, неотвратимая опасность. Враг скрывался в бездонной глубине вод, он был невидим и, значит, ненаказуем.

Но вдруг для германских подводных лодок начались неприятные неожиданности. За ними стали охотиться легкие быстроходные суда с глубинными бомбами. Команды этих судов словно научились видеть в воде.

Так оно и было. Малоизвестный в то время французский физик спас флот союзников от полного истребления. Он изобрел ультразвуковой локатор — небольшой аппарат, который мог «видеть», заглядывать на любую глубину океана. Аппарат крепился в носовой подводной части корабля. Из него ультразвуковой луч направлялся во все стороны. Наткнувшись на притаившуюся в глубине подводную лодку, отраженный ею, он мчался обратно, предупреждая об опасности.

Время шло, и на смену этому локатору пришел более совершенный — радиолокатор. Применение ультразвуковых колебаний на этом и закончилось. Едва начав развиваться, новая область физики была забыта зарубежным научным миром. Она не приносила доходов и потому ее некому было поддерживать.

Но над ультразвуковыми колебаниями начали работать советские физики.

Этих колебаний не слышит ухо человека. Переход к ним от обычных слышимых звуков переносит исследователя в мир неожиданностей, в мир чудесного и загадочного.

Ультразвуковые колебания распространяются не как обычные звуки, то есть не шаровой волной, а пучком, наподобие светового луча. Они очень хорошо распространяются в воде, еще лучше в металлах. С помощью ультразвукового луча сейсмографисты просвечивают земной шар, не применяя для этого никаких сверхмощных установок.

Хуже всего распространяется ультразвуковой луч в воздухе. Чем больше частота колебаний, тем ближе от источника затухают колебания.

До сих пор не удавалось получить источник ультразвуковых колебаний, который давал бы луч на расстояние, превышающее полтора метра.

Не намеревался ли профессор создать принципиально новый источник таких колебаний? Не использовал ли он новейшие достижения радиотехники?

Ответить на эти вопросы должен был Никольский.

В течение первых шести дней изучения шаровой установки и записок профессора Саратова он не смог дать утвердительного ответа. Перед Никольским, судя по всему, оказался усовершенствованный, но в принципе обычный источник ультразвуковых колебаний. Луч, рожденный с помощью шаровой установки, как и с помощью другого источника, мог заставить светиться воду, разбить химические соедине-

ния в жидком состоянии, убить бактерии в стакане воды, просветить металлическую отливку и обнаружить в ней раковины или посторонние включения.

Но того, что ждал от шаровой установки следователь Бородин... Нет, на это не было и намеков.

За шесть дней профессор Никольский вполне разобрался в конструкции аппарата. Его начали утомлять бесконечные и безрезультатные эксперименты. Точнее, его утомляли уже известные результаты. А ничего другого не получилось и у самого Владимира Константиновича — это подтверждали работники кафедры физики: Неустроев, Быков, Чазова.

Бородин торопил Никольского с окончанием экспертизы. Следовательно требовалось срочное заключение.

Сегодня Никольский попробовал произвести кое-какие изменения

в схеме, но тоже не получил существенных улучшений в работе аппарата.

— Выключите, — приказал Никольский старшей лаборантке.

Щелкнул автомат, и смолкло гудение трансформатора. В лаборатории наступила полнейшая тишина. Чазова и Неустроев выжидающе смотрели на Никольского.

— Ничего нового достичь Саратову не удалось, — устало проговорил он.

— Что и следовало предвидеть, — отозвался Неустроев.

— Мне кажется, — негромко возразила Чазова, — что Владимир Константинович не успел довести до конца своей работы над созданием более мощного излучателя. Последнее время он часто поговаривал о тройном колебательном контуре.

— Много ли вы понимаете в контурах, Марина Васильевна, — усмехнулся Неустроев. — Ваше дело нажимать кнопки.

Никольский прошел к столу и склонился над развернутой на нем схеме установки с шаровым излучателем. Если бы не эта назойливость следователя, он давно бы прекратил возню с аппаратом. Ошибки или упущения тут быть не могло. Никольский оценил аппарат в первый же день своего прихода в лабораторию. Для этого у него было достаточно собственного опыта в работе над ультразвуковыми колебаниями. Только он не создавал себе иллюзий. Разумеется, техника идет вперед, наука прогрессирует. Завтра ультразвук может раскрыть такие неожиданные свойства, о которых сегодня никто и не подозревает. Однако сегодня ни ему, ни профессору Саратову, ни многим другим совет-

ским физикам не удалось еще резко расширить сферу применения ультразвуковых колебаний.

Да, пожалуй, хватит экспериментировать. Завтра он напишет заключение и отправится обратно в Москву.

Когда Никольский поднял голову, Неустроева в лаборатории уже не было, а Чазова устанавливала приборы и складывала инструменты в шкаф.

— Вам тоже пора отдохнуть, Анатолий Георгиевич, — сказала Чазова, — уже первый час ночи.

— В самом деле? В таком случае кончаю и я.

— Проводите меня, Анатолий Георгиевич, — смущенно попросила Чазова, — я ужасная трусиха. Владимир Константинович никогда нас так поздно не задерживал.

— Очевидно, и я вас больше не буду задерживать, — улыбнулся Ни-

кольский.—Ну, а уж раз виноват— провожу.

Чазова жила довольно далеко от института. По дороге они говорили сначала о ничего не значащих вещах, но затем разговор перешел к безрезультатным экспериментам с шаровой установкой.

— А все-таки здесь что-то не так, — вздохнула Чазова.

— Предчувствия? — засмеялся Никольский.

— Я хорошо знала Владимира Константиновича. Он посвящал меня в свои замыслы.

— Отчего же вас, а не ассистента Неустроева?

— Он не любил Неустроева.

— Почему?

— Скажите, а вы... что вы думаете о Павле Ильиче? Может он быть ученым? Исследователем?

— Он уже ассистент.

— Да, конечно... Вообще-то он много работает. Он и сейчас все какие-то приборы мастерит... только в одиночку.

— Исследователь-одиночка? Любопытно.

Они остановились около небольшого дома.

— Вот мы и пришли. Спасибо вам. Только вы, наверное, из-за меня ноги поморозили. Может быть, забежите на минуту? Мама нас чаем угостит.

— Откровенно говоря, ноги погреть следует. Я на минутку.

...Первый человек, с которым Никольский столкнулся, выйдя на улицу, был... Неустроев. Он стоял на тротуаре под окнами, засунув руки в карманы и вобрав голову в поднятый воротник.

— Вы были... у нее? — спросил он.

— Что у вас на уме, Неустроев? — возмутился Никольский. — Вы понимаете, что говорите?

— Не виляйте! Я завтра же напишу вашей жене. Романчики заводить приехали? Затем вас прислали? — лицо ассистента передернуло судорогой. — Я... я люблю Марину Васильевну. А вы... чорт вас принес!

Махнув рукой, Неустроев быстро направился прочь.

Никольский растерянno смотрел ему вследа.

«Завтра же прочь отсюда, — подумал он, — здесь просто какое-то сумасшедшее место».

Глава восьмая

Бородин размышляет

Утром, в десятом часу, в кабинет следователя Бородина вошел профессор Никольский. Он присел на

стул в углу комнаты, терпеливо ожидая, пока следователь закончит разговор с очередным посетителем.

Когда дверь закрылась за посетителем, Никольский расстегнул пальто и вытащил из внутреннего кармана бумажный сверток.

— Мое заключение.

— Отлично. Присядьте у стола, товарищ Никольский, пока я ознакомлюсь с вашими выводами.

Заключение было очень обстоятельным. В нем излагались конструктивные особенности шаровой установки для получения ультразвуковых колебаний и ее практические возможности.

Бородин, уже знакомый с записками профессора Саратова, мог довольно свободно следить за ходом рассуждений Никольского. Здесь не было предположений, догадок, неясностей. Никольский говорил языком фактов, что очень ценно для

судебного следствия. Все было проверено руками самого Никольского, сопоставлено с записками Саратова.

И, наконец, вывод: аппарат не является новинкой в технике получения ультразвуковых колебаний. Судя по запискам, Саратову еще не удалось найти то, чего он искал.

— Ну, хорошо, — проговорил Бородин, закрывая последнюю страницу заключения. — А лимон? А смерть Владимира Константиновича?

— При чем здесь лимон?

— А вот прочтите, пожалуйста.

Из папки Бородин вынул другой протокол и протянул его Никольскому. Экспертиза сельскохозяйственного института подтверждала, что столь бурный рост комнатного лимона, изображенного на фотографии, неизвестен науке. Причина же роста, несомненно, кроется

в воздействии какого-то особого возбудителя.

Никольский прочел протокол и пожал плечами. Тогда Бородин протянул ему другой протокол — заключение клинической лаборатории.

— Да, все это любопытно, разумеется, — сказал Никольский, возвращая бумаги, — но ведь я не ботаник, не медик и тем более не следователь. Я — физик. Мое заключение остается моим заключением. Чем я еще могу быть вам полезен? Откровенно говоря, чемодан у меня уже собран.

— Попрошу вас задержаться еще на несколько дней, — произнес Бородин тоном, не допускающим возражений. — Познакомьтесь пока с городом, с его достопримечательностями.

— Благодарю за совет.

Никольский встал, застегнул пу-

говицы пальто. Следом за ним поднялся и Бородин.

— Какие взаимоотношения у вас с Чазовой и Неустроевым?

— Не совсем обычные.

— То есть?

— Очевидно, от вас все равно ничего не утаишь.

Выслушав рассказ Никольского о встрече с Неустроевым под окнами дома Чазовой, следовательно испытующе посмотрел в лицо профессора.

— Любопытно... Сцена ревности... Но вы действительно отважились зайти к незнакомой женщине в такое позднее время. Тут, знаете ли, очень трудно оправдаться.

— Мать Чазовой — пожилой человек, — вспыхнул Никольский, — она вам лгать не станет. А перед женой моя совесть чиста. Разумеется, работать и далее при таких

условиях я решительно отказываюсь.

Никольский ушел, а Бородин тотчас же снял телефонную трубку и набрал номер.

— Позовите к телефону Чазову.

— Одну минуту, — ответили ему.

Услышав голос старшей лаборантки, он сказал:

— Марина Васильевна, попрошу вас заглянуть ко мне. Да, да, если можете, сейчас же. И чем скорее, тем лучше.

В ожидании Чазовой Бородин перечитал заключение Никольского. Значит, шаровой излучатель не обладает никакой таинственной смертоносной силой, значит, аппарат не убивает. Заключение лишало следователя главной опоры, того, на что он делал ставку. Как сможет он и теперь настаивать, что в физической лаборатории совершено преступление? Суд потребует от него

реальных доказательств, фактов, а не догадок и предположений.

Стук в двери прервал размышления следователя.

Вошла Чазова.

— Садитесь, Марина Васильевна.

— Спасибо.

Опускаясь на стул, она вопросительно посмотрела на следователя.

— Простите, что так бесцеремонно отвлек вас от работы. Я только что разговаривал с Никольским. Он считает свою экспертизу законченной и уверяет, будто аппарат Владимира Константиновича (я имею в виду шаровую установку) является обычным источником ультразвуковых колебаний. Разделяете ли вы мнение Никольского?

— Нет, не разделяю.

Глаза следователя впились в лицо старшей лаборантки.

— Как истолковать ваши слова?

— Никольский понял планы Владимира Константиновича умом, а я... сердцем. Я думаю, что все же здесь что-то не так. Как-то несерьезно получается. Нужно выяснить самую суть незавершенного, задуманного. А мы все бьемся только над тем, что стоит в лаборатории.

— Неустроев поддерживает ваше мнение?

— Не знаю. Спросите об этом его самого.

— Разве Неустроев не делится с вами своими мыслями, своими чувствами?

Лаборантка хмуро и неприязненно взглянула в узкие немигающие глаза следователя.

— Ради чего он должен со мной делиться своими мыслями?

— Простите. А я думал, что он вам не совсем безразличен.

Чазова, усмехнувшись, стала смотреть в окно.

— А вы знаете о том, что он приревновал к вам Никольского, устроил ему сцену.

— Неустроев? Меня? Ничего не понимаю... Может быть, вы шутите? Он же меня терпеть не может.

— Так ли это?

— Не первый день с ним работаю. Насмотрелась, наслушалась. Пока жив был Владимир Константинович, он еще сдерживал себя, только постоянно давал понять, что я в лаборатории величина ничего не значащая. А теперь просто советует бросить учебу, оставить физическую лабораторию, уйти на завод. Будто у меня нет никаких задатков для исследовательской работы. А я в лаборатории хочу работать. Искать хочу, исследовать...

— В какой области? — поинтересовался Бородин.

— В области ультразвуковых колебаний.

Он бросил на старшую лаборантку быстрый взгляд. Лицо ее покрылось красными пятнами, она разволновалась, видимо, в ней прорвалось давно наболевшее. Пальцы Чазовой нервно теребили ремешок сумочки.

Отпустив молодую женщину, Бородин тихо рассмеялся. Такого возбуждения он еще не испытывал. Борьба все более приходилась ему по вкусу, борьба логики и лицемерия, борьба выдержки и страха перед разоблачением. Противник достойный, что и говорить. Следы замечены мастерски.

Кто же этот противник: Чазова или Неустроев? Прежде чем остановиться на ком-то из них, Бородин окончательно закрепил в цепи поисков некоторые раньше подмеченные детали.

В тот вечер, когда профессор Саратов остался один, преступник

мог воспользоваться только окном, которое открыли студенты на первом этаже. Ему удалось незаметно проникнуть в институт.

Совершив убийство, он повернул шаровую установку по оставленным кем-то до него следам на паркете.

Когда же Бородин обратил внимание на странный вид комнатного лимона, это обстоятельство бросилось в глаза и преступнику. Сообразив, какой изобличающий след оставлен им, убийца не уничтожил лимона, как сделал бы это человек неопытный и наивный. Нет, он только повредил банку, остальное выполнила ничего не подозревающая уборщица. Не будь фотографий, едва ли удалось бы поймать этот конец нити.

Однако эта нить могла вести и к Чазовой, и к Неустроеву. Правда, чтобы воспользоваться окном, Чазовой пришлось бы прибегнуть к

посторонней помощи, но тут вариантов могло быть сколько угодно.

Вот гораздо интереснее происходящее сейчас. Неустроев устраивает сцены ревности Никольскому, хотя никаких чувств к Чазовой, кроме неприязни, у него нет. Похоже, что он пытается избавиться от присутствия Никольского. А совет, данный им Чазовой, показывает, что он имеет желание избавиться и от Чазовой.

Вместе с тем можно допустить, что старшая лаборантка пытается завоевать симпатию Никольского, восстановить его против Неустроева. Против Неустроева она восстанавливает и его, Бородину. Не отводит ли она от себя подозрений?

Совершенно ясно одно: Саратов убит человеком, который присвоил себе секрет его открытия. Чазова увлечена ультразвуковыми колебаниями, мечтает продолжить экспе-

рименты Владимира Константиновича. Неустроев никогда этой области физики не придавал серьезного значения, чем особенно восстановил против себя Владимира Константиновича.

Кому же из них двоих больше нужен секрет открытия?

Пожалуй... Чазовой.

Мурлыча мотив, который едва ли доходил до его слуха, Бородин в сомнении покачивал головой, щурил глаза и все ходил, ходил по комнате. Мысленно он уже готов был назвать имя убийцы, но удерживал себя, приказывал себе не спешить.

Пусть пока это будет неопределенное лицо. Следовательно чувствовал, угадывал нервозность во взаимоотношениях Чазовой и Неустроева. Кто из них и по какой причине нервничает—неизвестно. Но многолетний опыт следственной работы давал Бородину уверенность в том,

что такая нервозность может привести к неверному, неосторожному шагу со стороны преступника и выдаст его. Теперь задачей следователя было усилить нервозность, толкнуть противника на ложный ход.

Чем вызвать такой толчок?

— Эх, некому посмеяться над тобой, старина, — покачав головой, вслух произнес Бородин, — ищешь похитителя несовершенного открытия и разоблачаешь преступника, совершившего убийство неубивающим орудием.

Возбуждение мешало привычному последовательному ходу мыслей. Требовалась немедленная разрядка. Бородин позвонил в клинику Надежде Саратовой.

— Надежда Владимировна, голубушка, -- попросил он, — разделите компанию, пройдемтесь со мной на лыжах.

— С удовольствием!

Пока они добрались до леса, стемнело. Но взошла луна, снег в ее бледном свете мерцал зелеными искрами. В лесу было тихо, лыжи скользили отлично. Отдыхая, врач и следователь болтали о пустяках и подтрунивали друг над другом.

Глава девятая

Ход конем

Бородин решил сделать еще один ход: побывать на квартире у Неустроева, но не официально, не как следователь, а как старый знакомый, побывать гостем.

Неустроев жил в новом доме для профессорско - преподавательского состава, на втором этаже. Комната его была угловой, и из окна открывался вид на улицу, по которой шел Бородин.

За квартал от дома профессорско-преподавательского состава

Бородин нагнал знакомый сержант милиции.

— Куда путь держишь, Леонидович? — спросил он.

— В гости.

— В одиночку? — сержант понимающе ухмыльнулся.

У подъезда пятиэтажного корпуса они расстались. Бородин поднялся по лестнице и постучал в двери квартиры. Открыл ему Неустроев.

— Прошу, — сказал он, — моя комната направо. А... ваш спутник?

— Спутник?

«Эге, да он видел меня из окна, — подумал Бородин, — решил, что с обыском. Досадно».

В холостяцкой комнате Неустроева не оказалось ничего примечательного: кровать, этажерка с книгами, небольшой столик, шифоньер. Неустроев пододвинул стул, предложил папиросы. Они прикурили от

спички, зажженной Бородиным, сели.

Бородин не рассматривал комнаты, он охватил ее одним взглядом и сразу заметил уголок бумажного листка, торчащий из среднего ящика стола. Значит, бумаги были убраны в стол довольно поспешно.

Разговаривая о ничего не значащих вещах, он остановил свое внимание на небольшом радиоприемнике, стоявшем в углу на этажерке с книгами.

— Что это за система? — спросил он Неустроева.

— Товарищ из Риги прислал. Новинка. Трехламповый, но чистота изумительная, выбор, как у второй категории. С весны появятся в продаже. Да вот беда: выходная лампа сгорела, а в магазинах таких ламп нет.

По потолку, из угла в угол, протянулась антенна. От нее спускался

отвод — спираль из темнозеленого провода.

Бородин подошел ближе и заглянул на тыльную часть приемника. На задней стенке приемника тоже имелись переключатели и клеммы.

— А в шахматы вы не любитель? — спросил Бородин, изучая этикетку рижского радиозавода.

— На первом курсе играл, но с тех пор не пытался.

— Я тоже игрок посредственный, но вот за ходом международного матча слежу. Как вы думаете, кто выйдет на первое место?

Взгляд Бородина вновь упал на угол бумажного листка, торчащего из ящика стола.

«Открыть? — мелькнуло в голове. — Пожалуй, не стоит. Раз из окна видел, — что нужно спрятал или уничтожил».

Бородин оглянулся на ассистента. Лицо Неустроева было спокой-

ное, но застывшее, чего-то ожидающее.

— Скучно вам жить по-холостячки, — заметил следователь. — Женитесь, Павел Ильич. Смотрите, какая симпатичная женщина рядом с вами работает.

— Это вы Чазову имеете в виду?

— Да, ее.

Неустроев помедлил с ответом.

— Конечно, — с трудом проговорил он, — хороша. Но ее всё ученые мужи привлекают.

— Никольский?

— Не знаю, может быть.

— Знаете, Неустроев, — голос следователя прозвучал холодно, — иначе для чего было сцены ревности разыгрывать?

— Это мое личное дело.

— Именно. Так приемник, говорите, неисправен? Жаль. А я любитель новинок радиотехники. Достанете лампу — позовите.

На улице, несмотря на мороз, мальчишки гоняли футбольный мяч. Бородин остановился, с улыбкой наблюдая за атакой юных футболистов. Ветер пощипывал нос и уши, но мальчишки ничего не замечали, лица их вспотели, они пыхтели и отдувались.

Один из ребят стоял около угла дома, из которого вышел следователь. Сюда мяч приближался редко, и от нечего делать мальчуган играл в «жошку», подбрасывая ногой растрепанную записную книжку.

— Какой счет?—поинтересовался Бородин и на лету поймал записную книжку.

— Шесть ноль в нашу пользу, — самодовольно ответил мальчик.

— А это что?

— А не знаю. Тут валялась. Выбросил кто-то.

Пересыпанная снегом книжка была изрядно потрепана. Привычка обращать внимание на все, что попадало в поле зрения, и тут заставила Бородина взглядеться в вещь, прежде чем бросить ее обратно на землю. Знакомое слово «ультразвук» мелькнуло сначала на одной странице, потом еще на одной. Страницы пестрели математическими расчетами.

— Где ты поднял ее? — спросил Бородин мальчика.

— Да тут, — мальчик неопределенно махнул рукой, — она сама под ноги попала.

Бородин посмотрел вокруг, поднял глаза на окна. Ему показалось, что в окне комнаты Неустроева он видит застывшее человеческое лицо. Впрочем, лучи солнца, бликами лежащие на стеклах, и не позволяли утверждать, что он действительно увидел лицо.

Бородин положил книжку в карман и направился обратно в прокуратуру.

Вместо того, чтобы проанализировать свой визит к Неустроеву, Сергей Леонидович занялся изучением новой находки. Он бережно очистил ее от снега, разложил выпавшие и намокшие листки по столу.

— Так, — сказал он, опершись руками на стол.

Сложные математические расчеты, выполненные мелким и аккуратным почерком, заполняли все листки. Текстовых пояснений было мало, но там где они имелись, непременно фигурировали знакомые слова «ультразвук», «ультразвуковые колебания», «колебательный контур».

Приведя записную книжку в сравнительный порядок, Бородин стал изучать ее листок за листком.

Кое-где попадались даты: «июнь 1942 года», «май 1943 года», «... 1944 год...», записи позднее 1944 года не было, хотя в книжке оставалось еще несколько свободных листков.

Имела ли находка какое-нибудь отношение к тем поискам, которые вел Бородин? Он мог только предполагать о наличии такой связи.

Книжка найдена около дома, в котором живет Неустроев. Удивительное совпадение. Выброшена книжка или... утеряна?

Кто еще кроме профессора Саратова увлекался в Широкореченске в дни войны ультразвуковыми колебаниями?

В памяти Бородина возникло вдумчивое и привлекательное лицо молодого человека, чей портрет стоял на туалетном столике Надежды Саратовой.

Но Александр Рудаков ушел на фронт почти с первых же дней

войны и, значит, о нем не может идти речь.

Не принадлежала ли записная книжка самому Владимиру Константиновичу? Мало вероятно, тем более, что записи такой давности уже не могли иметь значения, но... отчего же не проверить?

Глава десятая

Дядя и племянник

Неустроев остановился у просторного особняка с окнами, высоко поднятыми над землей. Дом находился в конце улицы, неподалеку от занесенной снегом реки Широкой. Неустроев постучал в ворота. Ему открыл пожилой широколицый мужчина с пухлыми щеками.

— Павел! — обрадовался мужчина. — Пришел-таки. Не забыл, значит? Ну проходи, проходи.

— Я к тебе по делу, дядя Егор,—

сухо отозвался Неустроев.— В доме посторонних никого нет?

— Один я. Дуся в район уехала. Проходи.

Тяжелой переваливающейся походкой мужчина пошел впереди Неустроева. Они вошли в комнату, устланную половиками, с хорошей мебелью. На дубовой подставке стояла «Нева», в углу сверкало трюмо.

Дядя Егор выглядел добряком. Когда он, отдуваясь, сел за стол, Павел Ильич подумал, что для полноты картины не хватает трех или четырех внучат или внучек, которые свободно разместились бы на широченных дядиных коленях.

— Каким молодцом ты вырос, Павел,— любовно разглядывая племянника, сказал Егор. — Как подвигается твоя научная работа? Наверное, до Сталинской премии добиваешься? А обижены мы с Дусей

на тебя. Не стал нас признавать. Выпьем, что ли, за встречу?

Кряхтя, дядя Егор поднялся, прошел к буфету и вернулся с бутылкой водки и двумя стопками. Чокнувшись с племянником, он поднял стопку к свету, потом опрокинул ее в рот, причмокнул толстыми мясистыми губами и подмигнул Павлу Ильичу.

— Так рассказывай, рассказывай о своих делах.

— Все у меня шло хорошо, — проговорил Неустроев, — хоть и большой кровью, но вот до ассистента добрался. Фронтовые заслуги помогли. И попало в мои руки настоящее открытие. Кроме меня о нем ни одна живая душа не знает...

Неустроев ниже наклонился к столу, подался ближе к Егору, будто кто-то мог услышать его. Дядя Егор продолжал улыбаться, покачивая головой.

— ...На весь бы мир мое имя загремело. Да вот появилась эта старая лиса-следователь. Прицепиться не к чему, а нюх у него собачий. Ходит вокруг и ходит, а я петлю на шее чувствую, земля ноги жжет. Разоблачит ведь, сволочь! И сегодня, понимаешь,—Неустроев скрипнул зубами,—смотрю из окна: идет ко мне с милиционером. Ну, думаю, с обыском. А я только собрался записную книжку сжечь, в ней все... все секреты. Пришлось в форточку выбросить. Так нет же — угодила она в руки следователя. Он и приходил-то сам не знает для чего.

— То-то и оно.—Дядя Егор стал рассматривать на свет вновь наполненную стопку. — В одиночку-то, значит, не получается? И не получится. Одна у тебя дорога, Павлуша — наша неустроевская. Отец-то верным себе остался, хотя на

Колыме и сгнил. А ты захотел по своему жизнь устроить?

Неустроенев опустил голову. Мелькнуло далекое воспоминание: просторный дом, полный добра, беззаботное житье, исполнение всех прихотей. Потом все прахом, в один день. Колхозники отняли дом, конфисковали добро. Отец в кого-то стрелял и угодил на Колыму.

Маленького Павлушу забрал брат отца, дядя Егор, крепкий мужчина с добрым лицом, но с черствым характером. Работал Егор на кирпичном заводе, был на хорошем счету у администрации, выступал на собраниях с деловыми предложениями, аккуратно выполнял общественные поручения.

Вскоре подрастающий Павел понял, что работа на заводе только ширма для настоящих занятий дяди Егора. В доме появлялись незнакомые люди, приносили под полкой ка-

кие-то свертки, рядились с дядей, ругались.

Оставшись наедине, тетя с дядей подсчитывали выручку, прятали свертки в тайные места под половицы, на чердак.

Егор занимался спекуляцией, скупал золотые вещи, надеялся, что рано или поздно власть сменится, придет его день и тогда все это пригодится.

Павел привык к происходившим в доме сделкам. Ему тоже кое-что перепадало. В карманных деньгах нужды не было, одевался он куда лучше своих товарищей.

Только один раз попробовал Павел огрызнуться на дядю Егора, назвав его настоящим именем: спекулянтом. С доброй отеческой улыбкой Егор ударил Павла кулаком по голове, не с размаху, а как-то по-своему — сверху вниз. Павел

свалился на пол, и тетя Дуся битый час приводила его в себя.

Уехав учиться, Павел решил пробиваться своей дорогой. Уж очень рискованной была дорога дяди Егора... Хотелось забраться повыше, но только без всякого риска.

И вот не получилось.

— Так о каком это ты открытии начал рассказывать?—спросил дядя Егор. — Стоящее?

— Открытие... — Неустроев дернулся всем телом и с нескрываемой ненавистью посмотрел в румяное лицо дяди. — Открытие... — повторил он.—Для хозяйских рук от него не тысячами, а миллионами пахнет.

В самой глубине добрых дядиных глаз вспыхнули жадные, поволчьи, огоньки. Короткие мясистые пальцы зашевелились, словно ощупывая что-то.

— Вот как?—усмехнулся Егор.—

Не верится. В науке я разбираюсь, конечно, плохо... Ну да пусть будет важное открытие, а я тут причем?

— Помоги мне.

— Это в чем же помочь?

— Скрыться.

— Да ведь все равно найдут.

— Туда, где не найдут.

— Ну?

— На ту сторону.

— Что ты, племянник! — дядя Егор испуганно замахал на Павла Ильича руками. — Разве я такими делами занимаюсь?

Неустроев вскочил на ноги, задышал часто, по лицу его пошли судороги.

— Занимаешься, — тихо, но отчетливо сказал он, — кое-что помню. И уж если попадусь...

Он не договорил. Руки вскочившего следом за ним Егора молниеносным движением вцепились в пиджак Неустроева и сжали его

с такой силой, что у племянника занялось дыхание. И оттого, что лицо дяди продолжало ласково улыбаться, Неустроеву стало страшно... Но отступать все равно было некуда.

— Я дома записку оставил, — прохрипел он, — на всякий случай. Если не вернусь, с тебя спросят.

— Ш-ш-шакал, — сквозь зубы процедил Егор, медленно опускаясь обратно на стул. — Жаль, что я так люблю тебя. Ладно, садись, Павлуша. Чужие страны, значит, посмотреть захотелось? Ну, ну, — он одобрительно кивнул головой. — Успокойся. Расскажи-ка подробнее, что из себя твое открытие представляет.

Пришлось посвятить дядю в некоторые подробности.

— И дома хранишь? Дурак! Нашел место... Ладно, Павлуша, по-

пробую кое с кем потолковать... хоть и рискованное дело.

Ненависть сменилась столь же откровенным чувством зависти. Он, Павел Ильич, попался на первой же попытке по-настоящему устроить свою жизнь, а вот дядя Егор каждый день обделывает рискованные предприятия и здравствует. Его вся улица за первейшего добряка считает. Да, рядом с ним Павел Ильич почувствовал себя беспомощным ребенком.

— Договорились, значит, — заключил дядя Егор, выпроваживая Неустроева. — Ко мне ни шагу. Завтра на углу Красного сада в одиннадцать вечера тебя будет ждать машина, поговоришь с кем нужно. Смотри только, с тобой деловые люди будут говорить. След за собой не приведи. Да вот что... записную книжку любимыми путями тебе нужно выручить. А то накроют

раньше, чем до границы доберешься. Чуешь? То-то. Да чтобы все чисто было сделано.

— Ясно. И с аппаратом, и с книжкой приду. Откладывать не стану.

— Ладно, действуй.

...Надежда, открыв двери, обрадовалась Бородину, как хорошему другу.

— Вы пришли кстати, — сказала она, — я только что купила пирожки, они совсем тепленькие. Чаевничать будем?

— А отчего же и не почаевничать?

Надежда провела его в свою комнату. Сидя друг против друга, они заговорили о погоде, о лыжных соревнованиях на Уктусских горах, о том, какая красота в лесу ночью при луне.

А Бородин нет-нет да и поглядывал на портрет молодого человека с

вдумчивыми глазами. Покончив с чаем, Сергей Леонидович откинулся на стуле, вытащил записную книжку и положил ее перед Надей.

— Скажите, Надежда Владимировна, — спросил он, — вам не приходилось видеть эту книжку в руках Владимира Константиновича? Или в руках его знакомых?

Надежда осторожно открыла засаленную, едва державшуюся на корешке, корку и стала перелистывать страницы. Она все пристальнее вглядывалась в записи.

— Немыслимо, — прошептала она, меняясь в лице и поднимая испуганные глаза на Сергея Леонидовича, — это почерк Саши.

— Какого Саши?

— Моего Саши... Саши Рудкова.

— Вы не ошибаетесь?

— Ошибаюсь?! Я бы узнала его почерк из тысячи похожих почер-

ков. И потом... потом эта книжка... я купила ее ему на прощанье.

— А доказательства, Надежда Владимировна, доказательства?

— Посмотрите на четырнадцатую страницу. Она цела, видите? Вот моя подпись. Мы встретились с ним четырнадцатого числа и решили не забывать этой даты.

— У вас есть от него письма? Дайте-ка мне одно.

— Но как... как книжка могла попасть к вам, Сергей Леонидович? Она погибла вместе с Сашей.

— Давайте попробуем разобраться в этом сообща, — Бородин пожевал губами и снова поглядел на портрет Рудакова.

В окно стучали порывы ветра, сыпал мелкий колючий снег, но на освещенных улицах города, как всегда, былолюдно. Большой город жил и трудился, люди спешили на работу, торопились к друзьям, радо-

вались, огорчались, думали, мечтали.

Но вот в домах стали гаснуть огни, улицы погружались в сон. И только окно комнаты, в которой сидящий мужчина и молодая женщина склонились над столом, светилось до самого утра.

Глава одиннадцатая

Поединок

Никольский возвратился в гостиницу в самом отвратительном расположении духа. Он с раздражением швырнул пальто на спинку стула, бросил шапку на диван и остановился посреди комнаты.

Достопримечательности Широко-реченска не произвели на него ровно никакого впечатления, и вообще такое праздное времяпровождение было не для него. А следовательно не звонит. О чем он там думает? Что

еще он собирается предпринять? Нелепость, кругом сплошная нелепость.

Однако Никольский и сам не испытывал никакого удовлетворения ни от проделанной работы, ни тем более от заключения, врученного следователю.

Экспертиза по поводу комнатного лимона и исследование нервных тканей все же смутили Никольского. Профессор Саратов не сделал открытия — это было совершенно очевидно, но в руках его уже находилась какая-то нить, какой-то ключ к открытию. Чтобы понять мысли Саратова, нужно было сосредоточиться.

Однако нелепые сцены ревности, которые разыгрывал Неустроев, самым болезненным образом отзывались на самолюбии Никольского, очень дорожившего покоем своей семьи.

Да и эти поиски таинственного смертоносного орудия, которым будто бы был убит Саратов, вызвали у него чувство отвращения.

Он вспомнил, что еще не обедал, прошел в ресторан и сел за столик. Однако пообедать ему не удалось, его вызвали к телефону. Звонил Бородин и просил приехать немедленно.

— Как всегда, немедленно, — усмехнулся Никольский. — Беспокойная душа.

Однако к следователю он отправился тотчас же, оставив на столе нетронутый обед.

В гостиницу Никольский возвратился с записной книжкой. Устроившись поудобнее на диване, он с интересом принялся за изучение потускневших от времени расчетов. Он сразу понял, что и автор этих расчетов, и профессор Саратов задались

одной и той же целью: создать сверхмощный источник ультразвуковых колебаний. Многое, что уже знал Никольский из записок Саратова, повторялось на первых страницах записной книжки.

Никольский решил все-таки сходить пообедать — аппетит давал знать о себе. Он захватил с собой записную книжку и продолжал читать ее, отхлебывая суп из тарелки. Но добравшись так до второго блюда, он решительно отодвинул недоеденный шницель и поспешно возвратился в номер. Содержание расчетов начинало остро интересоваться его.

В семь вечера позвонил Бородин.
— Необыкновенно! — резюмировал Никольский первые итоги знакомства с записной книжкой. — Замечательные мысли. Кажется, вы дали мне в руки тот ключ, который так долго и безуспешно искал Вла-

димир Константинович. Я намерен сейчас же отправиться в физическую лабораторию института, познакомиться с шаровой установкой.

— Только не выпускайте записную книжку из рук, — предупредил Бородин.

— Понимаю.

Получив от Никольского заключение о ценности записной книжки, о которой он догадывался с первого момента находки, Бородин пошел к районному прокурору за санкцией на арест и производство обыска. Спустя несколько часов он в сопровождении двух милиционеров отправился к Неустроеву. На его стук никто не отозвался. Следователь подал знак, и милиционеры, разом навалившись на дверь, сорвали ее с петель.

В комнате царил необыкновенный беспорядок. Кровать осталась неубранной, на полу валялись книги,

белье, обрывки бумаги. Что тут произошло? Казалось, что комната покинута ее владельцем, но, внимательно присмотревшись, Бородин пришел к выводу, что почти все вещи в ней остались — он отлично запомнил каждую из них во время своего визита к Неустроеву. Если чего и не хватало, так это странного приемника на этажерке. Открыв шифоньер, Сергей Леонидович увидел висевшие там разглаженные рубашки и два новых костюма. В нижнем отделении оставалась обувь. Под кроватью лежал нетронутый чемодан.

— И все-таки ты, кажется, дал маху, старина, — проворчал Бородин. — Не в комиссионку же он понес свой аппарат.

— Видимо, хозяин голову потерял, — заметил один милиционер, — метался по комнате, как сумасшедший.

— Это так, — подтвердил Бородин. — Но только без хозяина нам никак нельзя. Давайте-ка, друзья, поможем ему найтись.

Сжав ладонью подбородок, он постоял посреди комнаты, подумал.

— В институт, — решил он, — прежде всего.

...Никольский, получив разрешение работать в лаборатории, отказался и от услуг Неустроева, и от помощи Чазовой. Обиженная Чазова тотчас же ушла из лаборатории, а Неустроев еще долго оставался за своим столом, перебирая бумаги и присматриваясь к Никольскому.

Оставшись один, Никольский закрыл двери на ключ. Затем он развернул схему шаровой установки, чтобы следить по ней за ходом расчетов в записной книжке.

Часы летели, как минуты. Расчеты захватили профессора. Мысли,

заложенные в их основе, поражали своей оригинальностью, смелостью, глубиной.

Уже вскоре Никольский убедился, что автор расчетов оставил позади автора шаровой установки и решил ряд принципиально новых вопросов. В записной книжке заключался секрет того, над чем так долго и так безуспешно бился профессор Саратов.

Утомившись, Никольский бросался в кресло и, закрыв глаза, несколько минут оставался неподвижным; потом торопливо вскакивал, хватался за карандаш.

Увлеченный развитием расчета электронного усилителя ультразвуковых колебаний, Никольский не заметил, как в лаборатории опять появился Неустроев. Профессор невольно вздрогнул, увидев рядом с собой его низкорослую, плечистую фигуру.

— Как подвигается изучение расчетов? — спросил Неустроев и положил на стол большую прямоугольную коробку, завернутую в газету.

— Я определенно попал в мир неожиданностей, — отозвался Никольский, всматриваясь в поблекшие строчки формул. — Но как вы сумели войти в зал? Я же закрылся на ключ.

— Сквозь стены, — невесело усмехнулся Неустроев. — Ведь в мире неожиданностей все возможно. Я пришел помочь вам разобраться в расчетах.

— А я уже и сам начинаю понимать, в чем тут дело.

Неустроев посмотрел на профессора тяжелым пристальным взглядом. Он развернул газеты, прикрывавшие коробку, и Никольский увидел странный аппарат, напоминающий небольшой радиоприемник.

— Что это?

— То самое, о чем говорится в записной книжке: электронный усилитель ультразвуковых колебаний. Вам говорили, что расчеты выполнены мною?

— Вами? Быть не может! Нет, Бородин ничего не упомянул насчет вашего авторства.

— И вы считаете меня совершенно бездарным? Но вот вам доказательства, — ассистент погладил лаковую поверхность аппарата. — Эта штучка способна дать тысячекратное усиление колебаний, произведенных шаровой установкой.

— Да вы шутите, Неустроев!

— Ненавижу шутки...

— Но отчего же вы до сих пор не опубликовали своего творения?

— Только два дня назад я закончил постройку аппарата и сегодня собрался предложить вам принять участие в его испытаниях. Но

вдруг ко мне на квартиру ворвался этот сумасбродный следователь, который всем нам пытается приписать убийство Саратова, и забрал записную книжку с расчетами.

— М-да... любопытно... Вы позволите мне заглянуть в аппарат?

— Я собирался попросить вас сделать это.

Неустроев снял верхнюю панель, профессор подошел ближе. Записная книжка осталась лежать на развернутой схеме шаровой установки. Вооружившись карандашом, как указкой, ассистент принялся объяснять устройство и принцип работы электронного усилителя.

Голос Неустроева звучал дружелюбно, в словах была искренность. Он вел себя так, словно за его спиной находился дядя Егор, критически расценивающий действия своего племянника. Главное заключалось

в том, чтобы усыпить бдительность Никольского. Забрать записную книжку и тотчас же унести ее — было бы слишком наивным поступком. Никольский оказал бы сопротивление. Разделаться с ним Неустроеву ничего не стоило, руки у него были дядины — короткие и мощные. Но дядя, наверняка, так бы не поступил.

Нет, Неустроев исчезнет и с аппаратом, и с записной книжкой так, что после него не останется никаких следов, он собьет с толку Бородина. А пока тот ломает голову над решением новой загадки, Неустроев будет далеко. Очень далеко.

И все-таки ему приходилось напрягать всю волю, чтобы сохранить внешнюю невозмутимость. Сознание, что где-то поблизости ходит этот упрямый следователь, наполняло его страхом. Хотелось бежать,

бежать немедленно, не теряя ни минуты. Проклятое дядино условие относительно записной книжки! Дядя заглянул куда-то поглубже: видимо, вместе с книжкой ему заплатят больше. Ведь здесь не останется ключа к открытию.

Минуты летели стремительно, через час Неустроеву следовало быть у Красного сада. Час, еще один час, и все в его судьбе повернется в другую сторону. Нужно выдержать еще шестьдесят минут.

Он старался рассказывать кратко, экономно. Никольский понимал его с полуслова, на лету схватывал и усваивал суть объясняемого.

Ассистент и профессор стояли вплотную, низко склонившись над аппаратом. Они походили на двух друзей, увлеченных одним общим делом.

— Но это же... гениально! — не выдержал Никольский. — Вас... вас

за это нужно на руках носить, Павел Ильич! Немедленно же давайте испытывать ваше творение.

— Для того я и пришел сюда. Вы должны понять мое нетерпение, Анатолий Георгиевич. Это нетерпение изобретателя.

— Да, да, совершенно справедливо!

Они перенесли аппарат к шаровому излучателю. Ассистент присоединил к нему проводники от установки. Профессор стоял за спиной Неустроева и внимательно наблюдал за его действиями. Сквозь внешнее спокойствие в поведении Неустроева сквозила нервозность. Он попеременно чувствовал за своей спиной то добрые глаза дяди, то немигающие глаза следователя. К тому же он очень боялся опоздать к назначенному часу.

— Включайте! — приказал Неустроев.

Никольский подошел к распределительному щиту и поднес руку к кнопке автомата. Но прежде чем нажать ее, он бросил взгляд на Неустроева. Ассистент, застывший около аппарата, пристально смотрел на Никольского.

— Да включайте же, включайте! — закричал Неустроев.

* Тонкие губы Никольского изогнулись, лицо приняло суровое и решительное выражение. Он нажал кнопку. За стеной ухнул масляный выключатель высокого напряжения, на щите вспыхнули зловещие огоньки красных сигнальных ламп.

В тишине раздалось тонкое шмелиное гудение трансформатора шаровой установки. Ассистент быстрыми и ловкими движениями повернул регуляторы установки, щелкнул переключателями.

Никольский сделал шаг к шаровой установке.

— Оставайтесь там, где вы стоите, Никольский,— приказал Неустроев,— одно лишнее движение будет стоить вам жизни. Для этого мне потребуется только чуть передвинуть ось катушки. Не шевелитесь и слушайте, раз вы так увлечены ультразвуковыми колебаниями.

— Я вас не понимаю, Павел Ильич...

— Сейчас поймете. Во-первых, могу посвятить вас в тайну смерти вашего коллеги. Это я убил профессора Саратова. Мне не хотелось, чтобы еще кто-то разгадал тайну сверхмощных ультразвуковых колебаний. А Саратов, к собственному несчастью, тоже подошел к порогу открытия. Еще день, два — и он бы нашел правильное решение, которого не мог найти в течение шести лет. Но ключ находился уже в моих руках, я раньше Саратова изготовил свой аппарат. Мне надоело ждать

своего дня. Я продемонстрировал профессору изобретение его любимого ученика. Он так же, как и вы, поздравлял меня с успехом. Хотите на себе испытать действие ультразвука?

Неустроев, не спуская глаз с замершего Никольского, прицелился катушкой на стоявшую рядом с распределительным щитом высокую металлическую подставку. Произошло совершенно непостижимое явление: стальные ножки подставки, изготовленные из труб, словно под действием пронзительного ветра, задымили пылью.

Сталь обращалась в пыль!

Через минуту от подставки остался только развеянный по полу тончайший порошок. В воздухе душно запахло жженым железом.

— Смотрите, Никольский, смотрите!

Задымился угол щита, подле которого стоял профессор. На пол посыпалась мраморная пыль.

— Если я захочу, я уничтожу стены этой комнаты, захочу — уничтожу все здание, — торжествующе произнес Неустроев.

— Bravo, Неустроев, bravo! — тихо проговорил Никольский. — Только будьте осторожнее и поверните катушку в сторону, я вполне достаточно убедился в действии вашей дьявольской штуки. Что вы намерены делать со своим открытием?

— Оно найдет себе достойных покровителей, — усмехнулся Неустроев.

— Здесь?

— Нет, значительно дальше.

— О-кей! С вами, кажется, можно разговаривать. Но выключите, наконец, установку.

— Что вы там бормочете?

— Вы! Идиот! — повысил голос

Никольский. — Выключите установку и слушайте внимательно. Мы, кажется, неплохо с вами сыграли свои роли. Я не профессор Никольский и вообще не тот, за кого меня тут принимают. Если хоть один волос упадет с моей головы, вам снесут башку, едва вы окажетесь по ту сторону границы.

— Чорт возьми... — прошипел Неустроев, изумленно моргая белесыми ресницами, но в то же время пристально приглядываясь к Никольскому. — Кто же вы тогда?

— Это вас не касается, — Никольский засмеялся тихо и язвительно. — И вообще, мне плевать на вас. Я охочусь за секретом открытия, которое уже в ваших руках. Сколько я буду ждать, пока вы выключите установку?

Едва Неустроев коснулся регуляторов, как Никольский стремительно обернулся к щиту и нажал

кнопку автомата. В зале наступила тишина.

— Ну? — спросил Неустроев.

— Мерзавец, — облегченно задышав, проговорил Никольский, — изменник. Низкая тварь.

— Что?! — взвизгнул Неустроев и бросился к Никольскому.

Дверь распахнулась, и в лаборатории показался Бородин в сопровождении двух милиционеров и Чазовой.

— Спокойно, Неустроев! — приказал он. — Мы не опоздали? — повернулся он к Никольскому. — Станный запах. Что тут произошло?

— Ничего особенного, — пояснил профессор, — просто я вспомнил свои молодые годы. Когда-то я очень страстно увлекался драматическим кружком, друзья уверяли, что у меня актерский талант. Вот...

попробовал сыграть роль. Кажется, и в самом деле получилось.

— Я видела, как Неустроев возвратился с каким-то свертком, — сказала Чазова, — и подумала, что он затеял что-то недоброе. Я позвонила товарищу Бородину, но он уже сам появился в институте. А роли, очевидно, дались вам нелегко. У вас и у вашего партнера очень взволнованные лица.

Милиционеры увели Неустроева.

— Страшное орудие смерти, — произнес Никольский, взглянув на бездействующую шаровую установку, — ужасно...

— Владимир Константинович не задавался целью создать средство уничтожения, — возразила Чазова. — Взгляните на лимоны!

Очевидно, банки с лимонами, стоявшие позади разрушенной подставки, попали в сферу действия ультразвукового луча. Слово по

мановению волшебной палочки на ветвях возникли десятки свежих, отливающих глянцем листьев.

— Что ж,—в раздумье заметил Бородин,—орудие смерти нам тоже необходимо, чтобы крепче охранять жизнь, надежнее сохранять мир на земле.

Так закончилась эта удивительная история записной книжки советского солдата Александра Рудакова.

Эпилог

В воскресенье, как всегда, Бородин вышел на прогулку в лес. Впереди он увидел группу девушек. Одна из них показалась ему знакомой. Это была Надежда Саратова. Ему не сразу удалось нагнать девушек.

— Здравствуйте, Надежда Владимировна, — поздоровался Бородин.

— Здравствуйте!—обрадовалась Надежда. — А вы уж совсем обо мне забыли.

— Все дела, дела.

— С Неустроевым покончено?

— С моей стороны — да. Но ниточка потянулась значительно дальше. Впрочем этого и следовало ожидать.

— А, догадываюсь.

— Ну, а вы как живете, как работаете?

— Живу хорошо; работаю... Да, вы же не знаете, что я теперь тоже увлечена ультразвуком. Мы экспериментируем с шаровым излучателем в нашей клинике.

— Неужели? И в каком направлении?

— Видите ли, еще после тех анализов, которые... которые я провела совместно с профессором Смородинским над клетками центральной нервной системы отца, я подумала... мне пришла мысль использовать ультразвуковые колебания для разрушения злокачественных опухолей. Результаты превзошли всякие ожи-

дания. В наших руках оказалось средство для борьбы с самым тяжелым заболеванием — раком.

— Замечательно!

— Но это еще далеко не все. Применение ультразвуковых облучений открыло перед нами и другие возможности. Ультразвук убивает микроорганизмы, бактерии. Я думаю, что нам удастся превратить шаровую установку в средство для уничтожения многих заболеваний, а может быть и всех, понимаете, — всех заболеваний. Мы подвергнем облучению улицы городов, квартиры, цеха заводов, детские сады, школы. Когда-нибудь людям удастся с помощью ультразвука произвести дезинфекцию всего земного шара. И я решила посвятить себя применению ультразвуковых колебаний в медицине.

— Замечательно! — повторил Бородин. — А хотите увидеть другие

результаты применения шаровых установок?

— Где же?

— Здесь, в лесу. Я угощу вас свежими зимними яблоками.

— Яблоками? — улыбаясь, Надежда посмотрела вокруг. — На какой сосне они созрели?

— В оранжерее, Надежда Владимировна. Это километра два-три отсюда, если идти прямо через лес. Опытное хозяйство сельскохозяйственного института.

— Девушки! — крикнула Надежда. — За нами!

Бородин повел девушек через лесную чащу по глубокому нетронутому снегу, прокладывая свежую лыжню. Вскоре среди деревьев показались оранжереи, целый городок. Бородин остановил своих спутниц около кирпичного здания. Большая, ярко освещенная комната походила бы на электротехническую лабора-

торию, не будь в ней большого количества ящиков с молодыми всходами плодовых деревьев, с рассадой овощей, хлебных злаков. Тут и там стояли шаровые излучатели.

Доцент, который когда-то производил экспертизу фотографии комнатного лимона, провел девушек в оранжерею.

Войдя через тамбур в теплое помещение оранжереи, девушки остановились в восхищении. В ярком солнечном свете, падавшем через стеклянные крыши, тянулись три ряда молодых деревьев. Это были яблони. От острого и ароматного запаха яблок воздух в оранжерее казался густым и плотным.

А на трех деревцах, на тех, что были побольше и стояли отдельно, зрели крупные плоды, оттягивающие ветви.

— Мы побеждаем время, — сказал доцент. — Ультразвук ускорил

рост яблонь на нашем опытном участке. То, что должно было произойти через несколько лет, совершилось через восемь месяцев. Угощайтесь, девушки. Вот что сделал ультразвук — волшебная палочка, созданная вашим отцом, Надежда Владимировна.

— Не только отцом. Здесь потрудились многие: Саша Рудаков, профессор Никольский, вы, Сергей Леонидович... — Надежда оглянулась на Бородина.

Следователь скромно улыбнулся и отошел в сторону.

За стеклянными стенами оранжереи потрескивали на морозе деревья, ветер срывал с мохнатых ветвей сосен и елей снежные хлопья. В морозном воздухе, переливаясь на солнце, таяли снежные серебристые облачка.

Цена 85 коп.

МОЛотовское книжное издательство
МОЛотов — 1954

БОРИС ФРАДКИН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

